

ОПТИМИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: НОВЫЙ ВИТОК?

3 октября Верховный Суд РФ выступил с инициативой по масштабному изменению процессуальных кодексов, утвердив соответствующий законопроект на заседании Пленума¹. Из всех предложений, очевидно направленных на снижение судебной нагрузки, особую тревогу и споры среди юристов вызвали положения, содержащие возможность отказа от мотивирования судебных решений по умолчанию.

Мы обратились к нашим экспертам с просьбой оценить шаги, предлагаемые Пленумом ВС РФ для снижения судебной нагрузки, и выразить свое мнение относительно предусмотренной законопроектом возможности изготовления судебного решения без мотивировочной части.

ТАМАРА АБОВА

заведующая сектором гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

— Данный законопроект во многом заслуживает поддержки. Есть, например, ряд предложений, направленных на снятие необоснованных различий между ГПК и АПК РФ, а также много новелл, совершенствующих порядок разбирательства гражданских дел в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах.

Но есть и такие изменения, которые вызывают сомнения в их необходимости. К ним как раз относится отказ от вынесения мотивированных решений (постановлений) как в ГПК, так и в АПК РФ. То есть создается презумпция о вынесении решений без мотивировочной части. Но ведь это не все: такие решения будут приниматься и без описательной части. В пояснительной записке к законопроекту необходимость такого подхода объясняется в основном постановлением IX Всероссийского съезда судей², а также судебной статистикой, согласно которой в апелляционную и последующие инстанции обжалуется небольшой процент решений от их общего числа. Соответственно, небольшим является и процент жалоб на апелляционные судебные акты. Правда, законопроект устанавливает и в ГПК и в АПК круг дел, по которым решения должны быть мотивированы (и надеюсь, описательная часть там тоже должна быть). Есть также

¹ См.: Постановление Пленума ВС РФ от 03.10.2017 № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации“».

² Постановление IX Всероссийского съезда судей от 08.12.2016 № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе».

указание на право заинтересованных лиц просить суд вынести мотивированное решение при условии, что они намереваются обжаловать это решение. Суд может вынести мотивированное решение и по собственному усмотрению. Но затем апелляционный суд, отказывая в изменении или отмене решения суда первой инстанции, может вынести немотивированное определение (постановление). И так далее по вертикали.

Конечно, данное предложение (как и ряд других) направлено на разрешение проблемы перегрузки судей — это не скрывается. Но будет ли она разрешена? Ведь появятся немало желающих обжаловать решение, а значит, будет необходимо его мотивировать, соответственно, процесс будет удлиниться. Не достаточно ли для разгрузки судей увеличить порог дел, рассматриваемых в упрощенном порядке, и дел, рассматриваемых мировыми судьями? Есть и другие предложения, преследующие цель разгрузки судей, которые также небесспорны, но хотя бы менее болезненны. Возникает вопрос: способствуют ли данные новеллы реализации права лиц на защиту их прав и интересов, гарантированных Конституцией РФ? Думается, что нет.

При всем моем глубоком уважении к судьям (в особенности в загруженных сверх возможностей Москве и Санкт-Петербурге) и к судебной системе в целом, беру на себя смелость сказать, что законопроект затрагивает права и интересы тех, для кого созданы гражданские суды и кому нужны законные, обоснованные и справедливые решения. Неплохо было бы собрать большую конференцию или круглый стол и спросить у юридической общественности ее мнение об этом и других предложениях, содержащихся в законопроекте, в целом очень интересном. Это может инициировать сам Верховный Суд РФ или Государственная Дума.

ВЛАДИМИР ЯРКОВ

заведующий кафедрой
гражданского процесса
УрГЮУ, доктор
юридических наук,
профессор

— Подготовленный Верховным Судом законопроект содержит массу положений, требующих внимательного изучения и оценки. Как сочетаются предложения с конституционными принципами правосудия? К каким последствиям может привести на практике та либо иная новация? Повысят ли нововведения доверие граждан к правосудию и его эффективность? Понятно, что общество должно каким-либо образом платить за дальнейшую юридикацию отношений в обществе, его высокую конфликтность и другие характеристики современной цивилизации, увеличивающие количество дел в судах. Но какой может быть эта цена?

Как можно судить из пояснительной записки к законопроекту, ключевые цели реформы состоят в создании условий для функционирования подсистем судов общей юрисдикции и арбитражных судов в рамках единой судебной системы, а также в повышении эффективности судебных разбирательств и экономии денежных средств. Достичь этих целей можно разными способами, однако был избран путь потенциального отказа от изготовления мотивированного судебного решения. Эта идея сама по себе основана на относительно небольшом проценте обжалованных в апелляционном порядке судебных актов, но в любом случае, насколько можно понять законопроект, право потребовать составления мотивированного судебного решения остается за соответствующей стороной.

Такой подход можно подвергнуть обсуждению с учетом специфики судебного решения как акта правосудия. Ведь именно наличие мотивов в судебном акте отличает правосудие от других видов публично-правовой деятельности. Поэтому полагаю, что круг судебных актов, выносимых без возможной мотивировки, должен быть достаточно узким и у заинтересованных лиц непременно должно сохраняться право потребовать составления мотивированного судебного акта. Например, согласно ст. 42 АПК РФ лица, не участвовавшие в деле, о правах и об обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт, вправе обжаловать этот судебный акт, а также оспорить его в порядке надзора по правилам, установленным АПК. Возникает вопрос: как и что смогут обжаловать эти лица, если резолютивная часть решения затронет их права и обязанности, а они узнают о судебном акте только на этапе исполнительного производства?

Более спорной является предлагаемая редакция ст. 383 ГПК РФ, вводящая новую правовую конструкцию «резолютивное определение» (такова терминология законопроекта), позволяющую без мотивов отказать в принятии кассационной жалобы. Если исходить из незначительного числа подаваемых кассационных и надзорных жалоб в соотношении с общим числом дел в судах, то такая новелла представляется в значительной степени спорной.

Думается, что для разгрузки судов и судей могли бы использоваться и другие варианты, например продление сроков судебного рассмотрения дел, которое коснулось только АПК РФ. Согласно новой редакции ст. 152 Кодекса сроки продляются соответственно до шести и девяти месяцев. Другой вариант — введение обязательных досудебных примирительных процедур в гражданском процессе. Многие категории судебных приказов можно было бы передать нотариусам для разрешения их посредством исполнительной надписи. Все это также способствовало бы достижению целей реформы. На мой взгляд, законопроект нуждается в дальнейшем обсуждении с целью поиска оптимальных путей совершенствования правосудия в нашей стране.

БУРКХАРД БРАЙГ

профессор Свободного
университета Берлина
(Германия), доктор
права

— Опыт Германии показывает, что делать исключения из обязанности обосновывать судебные решения по гражданским делам следует очень осторожно.

С тех пор, как судебные решения стали восприниматься не как проявление неограниченной власти государя, а как функция правового государства, в немецком законодательстве появилась обязанность включать официальное обоснование в судебные решения³. Действующий Гражданский процессуальный кодекс Германии, так же как и Гражданский процессуальный кодекс 1877 г., называет мотивировочную часть обязательной частью судебного решения. Мотивировочная часть содержит краткое изложение рассуждений по фактическим и правовым аспектам дела, на которых основано решение (п. 3

³ Например, в процессуальное законодательство государства Саксония такая обязанность была введена в 1715 г.

§ 313 ГПК). Она обращена к сторонам спора и одновременно призвана служить базой для возможного контроля.

Необходимость обосновывать судебное решение вытекает из Основного закона Германии, в частности из принципа правового государства (*Rechtsstaatsprinzip*)⁴. Мотивирование судебного решения — предпосылка контроля за деятельностью судебной власти, осуществляемого не только государством (судами вышестоящих инстанций), но и сторонами разбирательства и общественностью. Подобная ситуация наблюдается и в европейском праве. В соответствии с практикой Европейского суда по правам человека принцип надлежащего отправления правосудия (*proper administration of justice*), вытекающий из п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), требует, чтобы в судебном решении излагались те соображения, на которых оно основано⁵.

В литературе подчеркивается, что в демократическом государстве мотивирование судебных решений, помимо того что обусловлено юридической необходимостью, в значительной мере служит созданию адекватных взаимоотношений между судом и гражданами⁶.

В 1976 г. наряду с другими новеллами, предназначенными для уменьшения нагрузки на суды, в ГПК были установлены исключения из обязанности обосновывать судебные решения по гражданским делам. Так, в соответствии с п. 1 § 313а ГПК в редакции 1976 г. суд мог составить решение без мотивировочной части при одновременном наличии двух обстоятельств:

- 1) судебное решение однозначно не подлежит обжалованию; и
- 2) стороны отказались от необходимости мотивировать решение не позднее чем за два дня после дня последнего устного судебного разбирательства.

Отказ сторон от составления мотивированного решения значительно (в суде первой инстанции — на две трети) уменьшал государственную пошлину за рассмотрение дела.

Это исключение не распространялось на большинство семейных дел, а также на решения о присуждении регулярных платежей на будущее время и решения, подлежащие исполнению за рубежом. Кроме того, в официальном обосновании законопроекта 1976 г. говорилось, что «само собой разумеется, что данные изменения не могут применяться в законах о судопроизводстве по административным спорам»⁷.

⁴ Подробнее см.: *Lücke J. Begründungszwang und Verfassung. Tübingen, 1987.*

⁵ См., напр.: решение ЕСПЧ от 21.01.1999 по делу «Гарсия Руис (*García Ruiz*) против Испании» (жалоба № 30544/96).

⁶ См.: *Münchener Kommentar zur Zivilprozessordnung, Band 1 / Hrsg. W. Krüger, T. Rauscher. 5. Aufl. München, 2016. § 313. Rn. 4* (автор соответствующего комментария — *H.-J. Musielak*).

⁷ *Bundestags-Drucksache 7/2729. S. 44. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/07/027/0702729.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).*

В 2001 г. было введено дополнительное основание для составления судебного решения без мотивировочной части: если суд выносит распорядительную часть решения непосредственно в заседании, в котором завершается устное разбирательство дела, и стороны отказываются от обжалования решения, оно может составляться без мотивировочной части.

В любом случае суд обязан составить мотивировочную часть для решения, которое подлежит или может подлежать обжалованию, даже если стороны этого не требуют. Судебная практика исходит из того, что в таких случаях составление мотивировочной части происходит не только в интересах сторон, но и в публичном интересе.

Если условия § 313а ГПК выполнены, составления мотивировочной части судебного решения *не требуется*, т.е. суду предоставляется усмотрение. На практике суды все-таки составляют мотивировочную часть, если для этого есть какой-либо повод, например если в процессе о денежном требовании был заявлен зачет, поскольку в таком случае невозможно определить объем юридической силы решения без мотивировочной части.

ЛЕОНИД ГОЛОВКО

заведующий кафедрой
уголовного процесса,
правосудия и
прокурорского надзора
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук,
профессор

— Со сравнительно-правовой точки зрения инициатива Верховного Суда о возможности изготовления судебного решения без мотивировочной части является вполне типовой. Подобные реформы — когда законодатель подчиняет обязанность суда мотивировать судебное решение требованию сторон, выделяя также определенный круг дел, где такая мотивировка является обязательной в силу закона, — мы неоднократно наблюдали в последнее время, например, в странах Восточной Европы (Венгрия, Польша и др.).

Если брать классические западные правопорядки, то там тенденции, конечно, не столь однозначны. Впрочем, они и не могут быть однозначны в силу абсолютно разного понимания надлежащим образом мотивированного судебного решения, допустим, в Англии и во Франции. Тот, кто видел французские судебные решения, может поразиться их лаконичностью: мотивированное решение суда первой инстанции по сложнейшему гражданскому делу иногда занимает 2–3 страницы текста: 5–7 абзацев на изложение фактов, еще 5–7 — на изложение права и т.д. Другое дело, что здесь сразу видно основное, причем без «процессуального спама», хотя технически изготовление такого решения много времени не занимает (если, разумеется, знать и понимать суть дела). В этом смысле говорить об универсальных сравнительно-правовых стандартах мотивировки не приходится: их просто нет.

Если исходить из того, что каждый желающий сможет получить мотивированное судебное решение, то сама по себе идея мотивирования по требованию беспокойства не вызывает. Беспокоит другое: сколько будет дел, по которым резолютивная часть судебного решения станет для гражданина сурпризом, причем без малейших шансов узнать фактические и правовые

причины его принятия? Не возникнет ли какой-нибудь новый вид сомнительного бизнеса, связанный, например, с отъемом собственности на основании внешне вполне легитимных судебных решений, которые никто не мотивировал и никто не обжаловал, поскольку о соответствующих делах заинтересованные лица будут узнавать уже *post factum*? Эти опасения тем более небеспопеченны на фоне другой идеи Верховного Суда о том, что теперь рядовой гражданин должен денно и нощно по собственной инициативе отыскивать в сети Интернет судебную информацию о себе и своих делах (в том числе гипотетических), блуждая по сайтам бесчисленных российских районных судов или вбивая в поисковики различные версии собственных ФИО. Судя по всему, более ничем другим он заниматься не должен: ни работать, ни отдыхать, ни делать что-либо толковое еще. Такой взгляд на человека и его жизнь в свете «правосудия XXI века» действительно тревожит, причем немало.

ЕЛЕНА КУДРЯВЦЕВА

профессор кафедры
гражданского
процесса МГУ им. М.В.
Ломоносова, доктор
юридических наук

— Предлагаемые Верховным Судом изменения в процессуальные кодексы различны по своему содержанию: где-то это простое уточнение каких-либо слов, где-то — изменение редакции статьи, не изменяющее ее смысла, а где-то — серьезное добавление, трансформирующее концепцию создателей ГПК РФ.

Прослеживающееся в последнее время стремление унифицировать нормы процессуальных кодексов, особенно ГПК и АПК РФ, к сожалению, не всегда оправданно. Например, не могу согласиться с предложенными изменениями ст. 113 и 132 ГПК, которые снимают с суда обязанность по передаче ответчику искового заявления и других документов, а лицам, участвующим в деле, — информации о процессе. Теперь предлагается возложить эти функции на лиц, участвующих в деле. Да, в арбитражном процессе эта норма работает, но гражданский процесс отличается от арбитражного в первую очередь тем, что граждане не всегда имеют возможность обратиться за помощью к представителям, и ситуацию не спасет даже введение поверенных. А раз граждане будут делать все сами, то неизбежны ошибки, которые в конечном счете скажутся на защите их нарушенных прав и интересов.

Можно согласиться с позицией многих ученых и практических деятелей, что в основном предложенные изменения направлены на снижение судебной нагрузки. Да, если исходить из статистики, нагрузка на судей действительно превышает все разумные пределы. Но решать эту проблему надо осторожно, чтобы не нарушить права граждан на судебную защиту и не превратить суды в те органы, в которые нет смысла обращаться за защитой. И здесь прежде всего стоит обратить внимание на вопрос об освобождении судьи от составления мотивировочной части решения.

Изменения гражданского процессуального законодательства, связанные с освобождением судей от изготовления мотивировочной части, разделили общественность на два лагеря, причем в один лагерь входят, не сомневаюсь,

представители судейского сообщества, а в другой — остальные представители юридической профессии, как практики, так и теоретики. По поводу этого предложения высказались уже многие, и прекрасно, если их голоса будут услышаны, но боюсь, что это из области фантастики. Хорошо, что хотя бы оставили социально и экономически значимые дела, по которым мотивировочная часть обязательна. Среди них — дела о защите прав детей, прав на жилое помещение, пенсионных прав, а также корпоративные споры и споры с участием иностранных лиц.

Аргументы, которые приводятся в оправдание такой политики, кажутся смешными. И мы ведь это уже проходили и обсуждали в 2013 г., когда от обязанности составлять решение в полном объеме освободили мирового судью. Теперь все повторяется, но уже на более высоких уровнях. Нельзя забывать, что мотивировочная часть решения нужна не только для обжалования вынесенного акта: никто не отменял такого свойства законной силы судебного акта, как преюдициальность, и ч. 2 и 3 ст. 61 ГПК РФ. И как тогда быть в случае, если лицо получило краткое решение, не подало ходатайство о составлении мотивированного решения, а по прошествии времени возникли трудности с доказыванием фактов, которые уже были доказаны, но сторона никак не сможет на них сослаться как на доказанные? А ведь всего лишь нет мотивировочной части решения!

Мысли об отказе от мотивировочной части уже звучали при обсуждении проекта ГПК РФ 2002 г., но не были восприняты разработчиками Кодекса, известными учеными и практиками, входившими в рабочую группу. Почему же мы теперь так смело меняем все то, что было закреплено и наработано нашей наукой и практикой? Может быть, надо прислушаться к голосам ученых и не спешить столь сильно менять ГПК РФ?

АНДРЕЙ ЮДИН

профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского университета, доктор юридических наук

— На мой взгляд, направленность предлагаемых изменений не совсем одно-векторна: ряд из них могут привести не к снижению, а, напротив, к увеличению нагрузки на судей (если оценивать изменения только с заданных позиций). Например, взаимодействие судов общей юрисдикции и арбитражных судов по линии передачи по подсудности дел, уже принятых к производству, приведет к росту числа дел, которые ранее могли завершиться определением о прекращении производства в связи с неподведомственностью, а также к увеличению круга вопросов, рассматриваемых судами общей юрисдикции субъектов РФ (ч. 4 ст. 39 АПК РФ в редакции законопроекта относит к их компетенции определение подсудности дела, направленного арбитражным судом). Как и предполагалось, в рамках единой судебной системы споры о подведомственности плавно трансформируются в споры о подсудности между различными судами⁸.

Также исчезнут формальные препятствия для отказа в рассмотрении дела по причине ошибочного избрания лицом вида судопроизводства, поскольку

⁸ См.: Ярков В.В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1. С. 17–53.

станут возможными переходы от гражданского судопроизводства к административному и наоборот (ст. 33.1 ГПК РФ, ст. 16.1 КАС РФ). Сейчас такие ошибки чреватые отказом в принятии заявления или прекращением производства по делу.

Большинство мер, предлагаемых Верховным Судом для снижения судебной нагрузки (увеличение порога требований в упрощенном производстве и др.), возражений не вызывают, однако при этом важно не повторить господствовавшего в 1920–1930 гг., но впоследствии изжитого понимания гражданского процесса как суммы технических правил.

За рамками обсуждения Пленума остался анонсированный вопрос об увеличении ставок государственных пошлин — мера, способная дестимулировать обращение в суды лиц сутяжнического склада характера и, как следствие, повлиять на судебную нагрузку. Интересно, что ровно 30 лет назад проф. Н.А. Чечина писала об экономической необоснованности пошлин по значительному числу гражданских дел, размер которых был меньше стоимости одного билета в кино на дневной сеанс⁹.

На первый взгляд содержащееся в пояснительной записке к законопроекту обоснование такой меры как отказ от изготовления мотивированного решения выглядит убедительно: процент апелляционного обжалования судебных актов действительно был и остается относительно невысоким от общего числа принимаемых решений. Однако обуславливает ли это отказ от изготовления мотивировочной части решения? Может быть, наличием мотивировки как раз и объясняется небольшое число апелляционных жалоб, когда лицо, проигравшее дело и имеющее возможность ознакомиться с причиной его отрицательного исхода, находит доводы суда убедительными и поэтому отказывается от обжалования.

Потенциал упрощения формы процессуальных документов по несложным делам уже достаточно реализован в приказном и упрощенном производстве (главы 11, 21.1 ГПК РФ), а также в производстве у мировых судей (ч. 3–4 ст. 199 ГПК РФ).

Исчезновение мотивировочной части решения отразится и на смежных нормах и институтах процесса. В частности, значительно сократится возможность обращения к преюдициально установленным обстоятельствам в условиях наличия взаимосвязанных дел, что при определенных условиях потребует от суда двойной работы по доказыванию.

⁹ Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л., 1987. С. 24–25.

ЛЮБОВЬ ПРОКУДИНА

заместитель декана
факультета права
по науке, доцент
кафедры судебной
власти Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
кандидат юридических
наук

— Предложение о формулировании мотивировочной части судебного решения лишь по ходатайству участвующих в деле лиц неоднократно упоминалось как способ снижения существующей нагрузки судей, однако оно отвергалось, поскольку мотивировочная часть решения призвана убеждать в правильности разрешения конкретного дела. В противном случае сторонам непонятно, какими соображениями руководствовался судья, вынося то или иное решение. Европейский суд по правам человека также неоднократно подчеркивал, что недостаточность мотивировки судебных актов свидетельствует об отсутствии справедливого судебного разбирательства. Право на мотивированные судебные акты вытекает из права быть выслушанным судом, которое, например, закреплено в Конституции Германии. Отсутствие последнего в российских нормативных актах компенсировано Конституционным Судом РФ, который в Постановлении от 12.03.2001 № 4-П назвал право быть выслушанным общеправовым принципом и процитировал древнеримское правило справедливого правосудия: *audi alteram partem* («выслушать обе стороны»). Право быть выслушанным, в свою очередь, порождает право быть услышанным судом, гарантией которого является мотивированное решение суда.

В настоящее время составление мотивированного решения лишь по заявлению участвующих в деле лиц реализуется в практике мировых судей (ч. 4 ст. 199 ГПК РФ) и в обновленном формате упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе. Решение арбитражного суда, вынесенное в упрощенном порядке, принимается немедленно после разбирательства дела в отсутствие сторон путем подписания судьей резолютивной части решения, которая не позднее следующего дня размещается на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет. Мотивированное решение в порядке упрощенного производства составляется арбитражным судом лишь по заявлению лица, участвующего в деле (ч. 1, 2 ст. 229 АПК РФ). Подобные регламенты оптимизируют судебные расходы и приемлемы для незначительных дел, для электронной процедуры. Однако для всех сложных гражданских дел необходима мотивация судебного решения, которая позволит понимать и воспринимать его справедливость. Обязанность судьи обосновать свои выводы является также фактором, сдерживающим произвол, поскольку в противном случае может сложиться практика вынесения решения, невзирая на любые представленные доказательства, в отсутствие необходимости опровержения доводов проигравшей стороны.

Для сторон высокое качество мотивировки решения является важной гарантией их правовой защиты, поскольку на ее основании они решают, осуществил ли суд свои законные полномочия надлежащим образом, необходимо ли дальнейшее обжалование решения и если да, то какова вероятность успеха. Неверные, плохо мотивированные или просто немотивированные решения уменьшают степень доверия суду со стороны общества в целом и конкретных граждан в частности, формируют отрицательное отношение общества к суду и отдельным судьям. Мотивация судебного решения, понятная как участникам процесса, так и всем лицам, знакомящимся с ним, делает возможной оценку действий суда и в более широком контексте, с точки зрения всего общества. Социологические опросы показывают низкий уровень доверия к суду в современном российском обществе, поэтому предложение упразднить обязанность мотивировки судебных актов не представляется оправданным.

МИХАИЛ ИВАНОВ

партнер, руководитель
российской судебно-
арбитражной практики
международной
юридической фирмы
Dentons

— Насколько целесообразно предлагаемое нововведение, согласно которому мотивированное решение суда изготавливается, если об этом ходатайствует участник процесса, в отношении весьма значительной части судебных дел?

Наши процессуальные кодексы устанавливают принципы законности и обоснованности судебного решения. Очевидно, что судить о соблюдении этих принципов применительно к конкретному судебному акту, в котором отсутствует мотивировочная часть, невозможно. Уже поэтому проигравшая сторона, если только она не признала иск, будет заинтересована в изготовлении мотивированного решения, ведь без этого она не сможет ни оценить свои шансы в вышестоящем суде, ни аргументировать свое несогласие с судебным решением. Одно только это обстоятельство заставляет сомневаться в том, что благодаря рассматриваемому нововведению нагрузка на суды, обусловленная изготовлением мотивированных решений, значительно уменьшится.

Но есть и другой, на мой взгляд, не менее важный аспект этого вопроса. Одной из причин недавней реформы законодательства о третейских судах было желание воспрепятствовать деятельности карманных третейских судов, позволяющей сторонам третейского разбирательства договориться о нужном для них исходе спора, игнорируя и обстоятельства дела, и применимый закон. Если же теперь законодатель отменит требование мотивированного решения в отношении большей части гражданско-правовых споров, рассматриваемых государственными судами, не создаст ли он тем самым риск того, что заинтересованные стороны будут удобным им образом «просуживать» свои дела, заранее зная, что в судебном решении ничего не будет сказано ни об обстоятельствах дела, ни о представленных доказательствах, ни о нормах закона, примененных судом? Мне кажется, что этот риск не стоит недооценивать. Отсутствие публично-правового аспекта в предмете спора не должно означать, что общество и государство фактически не заинтересованы в обеспечении соблюдения принципов законности и обоснованности судебного акта в случаях, когда участники процесса с ним согласны.

Хотелось бы сказать еще о двух факторах, которые объективно воспрепятствуют заметному снижению нагрузки на суды, поскольку будут мотивировать участников процесса просить изготовить мотивированное решение. Во-первых, во многих делах для сторон может быть важна не только и не столько резолютивная часть решения, присуждающего определенную денежную сумму, сколько выводы суда об обстоятельствах дела, наличии или отсутствии у стороны того или иного права и т.д. Подобные положения мотивировочной части становятся особенно актуальными тогда, когда выводы суда по этим вопросам будут иметь преюдициальное значение в других спорах, которые на момент вынесения решения еще даже могут не возникнуть. Понятно, что участники процесса будут заинтересованы в изготовлении мотивированного решения — на всякий случай. Во-вторых, процедура пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам предполагает, что пересматриваемое судебное решение позволяет идентифицировать судебный акт, который послужил основанием для принятия решения, либо сделку, повлекшую принятие решения, либо применение судом той или иной право-

вой нормы. Все эти сведения содержатся в мотивировочной части решения, и в ее отсутствие участник процесса практически не сможет задействовать процедуру пересмотра.

В обоснование комментируемого нововведения пояснительная записка к законопроекту ссылается, в частности, на существенные расходы федерального бюджета, связанные с изготовлением судьей мотивированного решения, а также на затрачиваемое судьей на это время. Но если признать эти обстоятельства уважительной причиной, не стоит ли тогда пойти другим путем, а именно законодательно стимулировать подготовку проектов мотивированных судебных решений самими сторонами, оставив при этом выбор за судом: самому готовить мотивировочную часть или обязать сторону (стороны) сделать это? Если мы сетуем на то, что во многих судебных актах судьи — возможно, как раз из-за недостатка времени — оценивают доказательства не полностью или не мотивируют свое несогласие с доводами сторон, то пусть эти оценки и мотивы будут предложены самими сторонами.

МАЛХАЗ ПАЦИЯ

главный научный сотрудник отдела гражданского, арбитражного и административного процесса Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук

— На мой взгляд, любые шаги по снижению судебной нагрузки нужно оценивать положительно, ибо она в последние годы непомерно возросла. Причем ныне это касается и арбитражных судов, в которых изначально эта нагрузка была заметно меньше, чем в судах общей юрисдикции. Несмотря на то, что судьи рассматривают дела не каждый день, по общему правилу им приходится ежемесячно рассматривать десятки дел. Рекордный случай, недавно зафиксированный нами в Арбитражном суде г. Москвы, — 80 дел за один день.

Применительно к гражданскому процессу следует поддержать, например, легитимацию функций вспомогательного персонала суда в гражданском процессе (помощников и секретарей судебного заседания, см. ст. 47.1 законопроекта), понимая ее, однако, таким образом, чтобы в конечном счете ответственность за результаты работы нес судья. Именно он предстает перед лицами, обращающимися за судебной защитой, в качестве субъекта, осуществляющего правосудие. Нельзя не согласиться и с предложениями Пленума относительно порядка рассмотрения дела, зафиксированными в новой редакции ст. 159 ГПК РФ. При этом должно быть обеспечено полное видео-и/или аудиофиксирование судебных заседаний, исключаящее любые произвольные действия в отношении представителей лиц, участвующих в деле, корректно исполняющих свою процессуальную функцию.

Что касается возможности изготовления судебного решения без мотивировочной части, то такой подход, как известно, существует в мировом судебном правовом регулировании. Это уже не новелла и в нашем процессе: по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, арбитражный суд подписывает только резолютивную часть решения (ч. 1 ст. 229 АПК РФ), а мотивированное решение оформляется только по заявлению лица, участвующего в деле (ч. 2 ст. 229 АПК РФ). Думается, что в арбитражном процессе это можно и расширить. В гражданский же процесс эту новеллу следует вводить с большой осторожностью, учитывая субъектный состав участников судебных дел

(и проектная ст. 199 ГПК РФ, подготовленная Пленумом, в целом корреспондирует такому подходу). Правда, положение о том, что лица, участвующие в деле, вправе заявить об изготовлении судебного акта с мотивировочной частью только в определенный срок после оглашения его резолютивной части, представляется недостаточно обоснованным ограничением. Это право должно быть им предоставлено на любой предшествующей стадии движения дела.

СЕРГЕЙ САРБАШ

профессор
Исследовательского
центра частного права
им. С.С. Алексеева при
Президенте РФ, доктор
юридических наук

— Нужно сказать, что сомнения вызывают многие предлагаемые законопроектом изменения. Прежде всего это отказ от института подведомственности и от самого термина «подведомственность», который обосновывается в пояснительной записке главным образом необходимостью устранения споров о подведомственности. Возможно, это станет начальным шагом в направлении слияния судов общей юрисдикции и арбитражных судов, однако устранить споры одной лишь заменой термина «подведомственность» на «подсудность» и «компетенция» не удастся, пока сохраняются две системы судов, обладающих различной компетенцией. Споры все равно останутся, просто будут именоваться по-другому — это с очевидностью следует из самого факта сохранения специализации судов, а также из допущения обжалования судебных актов о передаче дела из одной системы судов в другую. То есть устоявшаяся за десятилетия терминология будет нарушена, но это породит лишь путаницу, поскольку под одним термином «подсудность» будут скрываться различные по содержанию правовые явления. Точно так же не удастся избежать споров о возврате заявления (отказе в принятии заявления), неподсудного суду общей юрисдикции или арбитражному суду. Единственным позитивным достижением законопроекта в этой области является идея о передаче принятого судом к производству дела с нарушением компетенции в другой надлежачий суд, поскольку прекращение производства по делу ввиду его неподведомственности может повлечь такое негативное последствие, как истечение давности. Однако даже это не оправдывает реформу, ибо Пленум Верховного Суда РФ уже разрешил эту проблему посредством истолкования норм об исковой давности¹⁰.

Далее, предлагается ввести институт профессионального представительства. Эта мера требует социологического исследования, исходя из необходимости реального обеспечения действия ч. 1 ст. 48 Конституции РФ о праве каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Пояснительная записка к законопроекту не содержит данных о том, что такое исследование проводилось, в связи чем возникает вопрос, смогут ли граждане и юридические лица, находящиеся за пределами крупных поселений, иметь реальный доступ к правосудию. Есть опасения, что стремление к более высокому стандарту правовой помощи может обернуться существенными негативными последствиями, когда указанные лица не смогут подыскать в своей местности необходимого по закону профессионального юриста. В настоящее время они

¹⁰ См.: п. 18 Постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности».

могут обратиться за помощью к более образованному или более опытному человеку, которому доверяют, хотя бы он и не имеет юридического образования. Реформа лишит их такой возможности, поэтому введение обязательного профессионального представительства представляется преждевременным.

Непонятна необходимость введения нового института поверенного наряду с институтом представительства. Если тем самым планировалось смягчить последствия введения обязательного профессионального представительства, то эта цель, видимо, недостижима, поскольку поверенный допускается к участию в судебном заседании только вместе с представителем. Также неясными являются последствия конфликта между объяснениями представителя и поверенного и целый ряд других последствий подобного дуализма процессуального волеизъявления. Кроме того, граждане, особенно не искушенные в юриспруденции, вполне могут перепутать содержательно тождественные термины «поверенный» и «представитель» и по этой причине неправильно оформить доверенность.

Вызывает сомнения и положение о том, что юридическое лицо считается извещенным надлежащим образом, если соответствующее извещение вручено лицу, уполномоченному на получение корреспонденции. Во-первых, у юридического лица не всегда имеется лицо, специально уполномоченное на получение корреспонденции. Во-вторых, служащие почтового ведомства не всегда имеют достаточной компетенции, чтобы определить, какое лицо обладает названной компетенцией, а какое — нет. Все это может привести к лишним спорам о надлежащем извещении. Поэтому целесообразно рассмотреть вопрос о восприятии в процессуальном праве подхода, принятого в материальном гражданском праве, согласно которому лицо считается извещенным при поступлении корреспонденции по его месту государственной регистрации.

Исключение договорной подсудности представляется необоснованным в той части, в которой ограничивает свободу автономии воли по гражданским делам. Увеличение нагрузки в одних судах влечет снижение нагрузки в других, т.е. не влияет на нагрузку судебной системы в целом. Заинтересованность судебной власти в большем удобстве для организации судоустройства не является достаточным основанием для ограничения свободы граждан определять, по какому месту рассмотрение их гражданского спора для них более предпочтительно.

Наконец, вызывает серьезные сомнения отказ от мотивировки соответствующих судебных актов (за исключением определений судьи Верховного Суда РФ, которыми отказано в передаче жалобы на рассмотрение судебной коллегии). Это существенно подрывает общественный контроль за законностью и обоснованностью осуществления государственной власти. Закрытость судебной власти не добавляет ей необходимого доверия со стороны общества. Следует также учитывать, что воля проигравшей дело стороны может быть незаконно подавлена другой стороной. Мотивировка судебного решения могла бы послужить выявлению этого обстоятельства. В условиях широкого использования практики мультипликации судебных дел (особенно в системе арбитражных судов) отсутствие мотивированных решений ослабит институт преюдиции. Кроме того, отсутствие мотивировки в большинстве решений лишит практикующих юристов возможности изучать складывающуюся су-

дебную практику по толкованию закона и оказывать благодаря этому более квалифицированную помощь. Точно так же это ограничит возможности ученых по развитию права, лишив их предмета изучения. Введение обязательности мотивированного судебного акта апелляционной инстанции в случае отмены оспариваемого решения суда и отсутствие необходимости в его мотивировке при оставлении решения суда без изменения будет способствовать стремлению судей оставлять без изменения незаконные судебные решения.

Борьба с загруженностью судов окажется более эффективной, если обратить внимание на причины большого числа дел в судах, а не на следствия этих причин. Проблема заключается не в том, что суды обязаны мотивировать решения, а в том, что участники процесса недостаточно мотивированы законом не доводить беспорное дело до суда. Следует направить правовые и экономические ресурсы именно в эту сторону, а не отказываться от мотивировки судебных решений.

ЮЛИЙ ТАЙ

управляющий партнер
адвокатского бюро
«Бартолиус», кандидат
юридических наук

— Считаю, что сама по себе оптимизация работы судебной системы — это правильный и перманентный процесс, в отличие от процесса упрощения, примитивизации, симулирования гражданского судопроизводства в целях, как это принято называть, «разгрузки судебной системы», который представляется мне совершенно неразумным. Упрощение жизни суда и судей не должно быть самоцелью и подменять истинное назначение эффективной судебной защиты. Конечно, я согласен с тем, что суды перегружены, причем по большей части технической рутинной работой и беспорными делами, а на настоящее отправление правосудия у них не остается времени. Но было бы лицемерным не отметить попутно, что, когда нагрузка на судей по тем или иным причинам резко снижалась (например, многократное сокращение дел о банкротстве из-за реформы законодательства, уменьшение налоговых, а потом и таможенных дел из-за введения внутриведомственного обжалования и т.д.), эффективность работы судей и аппарата ни на йоту не улучшалась, рассмотрение дел не ускорялось, а качество судебных актов не возрастало. Поэтому утверждение, что уменьшение нагрузки на судей само по себе что-то улучшит, является абсолютной иллюзией и эмпирически опровергается.

Дабы быть конструктивным в критике, кратко изложу свой антикризисный план для судебной системы:

1) выведение из компетенции суда беспорных дел и передача их судебным клеркам либо иным квазисудебным органам. Можно даже поручить это помощникам судей. Будем честными: они и сейчас подготавливают такие решения, но подписывает все судья, оттого и безответственность, а так помощник будет сам изготавливать, сам подписывать, сам отвечать за сделанное. Тогда не будет «лоскутных» судебных актов, собранных из трех разных дел (как в недавнем деле, рассмотренном Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ)¹¹;

¹¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.10.2017 № 305-ЭС17-6445.

2) истинный, а не для галочки переход на электронный документооборот, тайм-менеджмент, кейс-менеджмент при отправлении правосудия, когда судья и аппарат суда берегут свое время и время участников процесса. Нелегко оборудовать суды программным обеспечением, которое дозированно распределяет всех участников по рабочему дню, а затем выводит на табло или направляет СМС-уведомление, когда и в каком зале состоится судебное заседание;

3) реальное и полноценное использование института взыскания судебных расходов не в символических, а в реальных размерах, причем с повышающим коэффициентом в отношении сутяжников и злоупотребляющих своими процессуальными правами лиц, чтобы было неповадно загружать суд своими «психоделическими баснями» и техническими исками. К сожалению, в последние два года мы наблюдаем обратную тенденцию: размеры взыскиваемых судами судебных расходов опять снизились до символических. Судьи должны понять, что они тем самым оказывают самим себе медвежью услугу;

4) наложение значительных, а не символических штрафов на недобросовестных лиц, которые не раскрывают доказательства, иными способами затягивают процесс или препятствуют рассмотрению дела, включая лиц, которые не участвуют в процессе, но у которых истребованы документы или сведения. Суд не просто вправе, а обязан заставить себя уважать и беспрекословно исполнять его требования;

5) введение механизма, который уже давно используется на практике, но не в легальном порядке, а путем межличностных договоренностей *ad hoc*, когда сторона или стороны передают судебным клеркам свои процессуальные документы в электронном виде для того, чтобы использовать их при изготовлении описательной и мотивировочной частей судебного акта. Полагаю, что ничего предосудительного в такой практике нет. Недостатком существующего обыкновения является именно нарушение принципа состязательности и равноправия, когда у одной более коммуникабельной стороны документы берут, а у другой — нет. Кроме того, такое усмотрение сотрудников суда очевидно может быть коррупциогенно, поэтому его надо легализовать, упорядочить и сделать транспарентным.

Изготовление судебного акта без мотивировочной части, наверное, допустимо как исключительный случай для мелких незначительных и необжалуемых актов. Но, конечно, нельзя превращать такой исключительный механизм неоправданности в общее правило, как и любое исключение не должно превращаться в норму. Напомню, что именно мотивировочная часть судебного акта создает как доверие к суду, так и само право. Практика — критерий истины, а судебная практика — критерий правовой истины. Авторитет и уважение к английским судьям в большей части базируется на убедительности и неоспоримости доводов, которые они излагают в своих решениях. Как без них будет осуществляться общественный контроль за судами? Как реализовать принцип публичности, ведь без текстов судебных актов общество никогда не сможет сказать о том, какого качества правосудие отправляется в стране?

Кроме того, любой юрист прекрасно знает мудрость и справедливость утверждения, что «бумага есть великий верификатор глупости». Следовательно, процесс правосудия без мотивировочной части судебного акта таковым в полном смысле не является, ибо оно порождается в том числе в процессе изготовления решения. Если бы это было не так, то зачем бы тогда Конституционный Суд и Президиум ВАС РФ месяцами оттачивали формулировки текстов, притом что впоследствии еще появляются мнения судей (особые и частично совпадающие)?

Желание обжаловать проистекает в большом количестве случаев из текста судебного акта, а пока его нет, не существует ни желания, ни повода, ни смысла, ни оснований. В этом контексте совсем уж анекдотичным выглядит исключение из ч. 2 ст. 169 АПК РФ указания на то, что решение пишется понятным языком, т.е. авторы законопроекта хотят вслед за Наполеоном напутствовать судей фразой «Пишите коротко и неясно».

Одна из самых тяжких, но зачастую обоснованных претензий к российским судьям заключается в том, что они плохо знают реальную жизнь и характер рассматриваемых ими споров (арбитражные судьи, например, рассматривают сложнейшие вопросы бизнеса и корпоративного права, ни дня не проработав по ту сторону баррикад, а 25-летние судьи судов общей юрисдикции занимаются бракоразводными делами и определением порядка проживания детей, не имея никакого, даже простого житейского, опыта), а также в нежелании погружаться в предмет. Однако сейчас они в каком-то смысле вынуждены это делать, поскольку должны написать мотивировочную часть, в которой хоть как-то объяснить со сторонами. Отдельно необходимо обратить внимание на то, что суд апелляционной инстанции в случае оставления решения суда первой инстанции без изменения (а это происходит в 87% случаев) вправе не изготавливать мотивировочную часть постановления вообще, т.е. вне зависимости от просьб или требования лиц, участвующих в деле (как это будет происходить по замыслу авторов законопроектов в суде первой инстанции).

Совершенно очевидно, что практическая реализация этой идеи неизбежно приведет ко многим другим проблемам, связанным с преюдициально установленными фактами, тождеством исков, взысканием судебных расходов, и еще мириадам других, чисто практических сложностей, поскольку нынешний процесс целиком выстроен в логике наличия мотивированного судебного акта, а выбивание такого краеугольного камня из фундамента правосудия не может обойтись без катастрофических последствий.

Наконец, указание законопроекта на то, что суды как первой, так и последующих инстанций могут изготовить мотивировочную часть судебного акта по своему желанию, не только нарушает такие базовые принципы, как состязательность, равноправие, диспозитивность, равенство всех перед законом и судом, но и противоречит здравому юридическому смыслу: если уж законодатель специально хочет оградить судью от лишней работы и дополнительных усилий, то на основании каких порывов (если исключить коррупцию и иные запрещенные законом и моралью причины и мотивы) судья вдруг начнет писать мотивировочную часть судебного акта без просьбы стороны?